

**Мышление в своей изначальности и возвратные механизмы европейского сознания
(деструктивный опыт М. Хайдеггера по поиску первоисточка европейского мышления)**

В. Б. О कोरोКОВ

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара, Днепр, Украина

УДК 1(091)

doi: 10.15421/1717102

Исследуется возвратный механизм сознания в творчестве М. Хайдеггера к первоисточку и изначальности европейского мышления. Показывается, что М. Хайдеггер не только создатель и разработчик экзистенциальной философии, не только один из самых выдающихся критиков европейской метафизической культуры мышления, но и один из тех европейских мыслителей, который искал пути преодоления этих противоречий (прежде всего, метафизичности). Для этого анализируется, с одной стороны, сам механизм возвратного движения Хайдеггера к первоисточкам европейской мысли (деструкция) и, с другой – сущность его переоткрытия в современном пространстве мышления такого изначального мыслителя, как Гераклит. Хотя Хайдеггер к изначальным мыслителям относит также Анаксимандра и Парменида и переоткрывает их для современной философской мысли, наше исследование скорее связано с творчеством Гераклита, так как, с нашей точки зрения, именно в его творчестве отчетливо слышатся возвратные механизмы сознания, то есть Гераклит должен быть изначальным не только как «отец» логики («логосности»), диалектики (способа мышления) и онтологии (поиск бытия природы), но и как «отец» феноменологии (бытие сознания) и герменевтики (понимание сущности бытия природы).

Ключевые слова: возвратный механизм; мышление; бытие; сущность; метафизика; исток; первоисток; начало мышления; Хайдеггер; Гераклит

**Thinking in primordial and returnable mechanisms of the European consciousness
(M. Heidegger's destructive experience on the search of first source of the European thinking)**

V. B. Okorokov

Oles Gonchar Dnipro National University, Dnipro, Ukraine

The returnable mechanism of consciousness by M. Heidegger's doctrine, describing the first source and originality of the European thinking, has been investigated in the article. Developing the essence of phenomenology of consciousness and trying to overcome the inconsistent moments of the philosophical phenomenology of his teacher E. Husserl, M. Heidegger searches the conditions of phenomenological consciousness' being and names such method the existential, fundamental-ontological one. Heidegger's existential conclusion and his sentence to modern philosophical consciousness is that it hasn't enough fundamentalism. While searching the fundamental nature of the European thinking, he develops the following method called de-struction. In our research, the returnable mechanism of the European consciousness to its first sources, has been analyzed. It is obvious that in his doctrine, two phases of destruction can be found (or movements towards the sources of the European thinking): the first – to Socrates, Plato and Aristotle (Heidegger shows that there was a substitution of their doctrine, which is called the modern philosophy now), the second – to primordial thinkers (to Anaximander, Heraclitus and Parmenides). In that doctrine, Heidegger opens the original essence of the European thinking, which has been changed further.

In our research we address to the analysis of original Heraclitus' sayings, made by Heidegger, as, from our point of view, this Greek thinker used the mechanism of re-turnable movement of consciousness most of all. The attempt has been made to show that in general such returnable mechanism is the fundamental characteristic of any thinking as it opens the first sources and everything connected with them (being, the power of nature, including consciousnesses, mechanisms of being of consciousness). The same procedures can be found in classical and modern philosophy (for example, in A. Ghose and Sri Prabhupada's doctrines) that only confirms the universality of returnable mechanisms of the consciousness, used by M. Heidegger.

Keywords: the returnable mechanism; thinking; being; essence; metaphysics; a source; the first source; the thinking beginning; Heidegger; Heraclitus

Цитування даної статті: О कोरोКОВ В. Б. Мышление в своей изначальности и возвратные механизмы европейского сознания (деструктивный опыт М. Хайдеггера по поиску первоисточка европейского мышления) / В. Б. О कोरोКОВ // Научно-теоретический альманах «Грани». – 2017. – Т. 20. – № 7(147). – С. 104-114. doi: 10.15421/1717102

Citation of this article: Okorokov, V. B., 2017. Myishlenie v svoey iznachalnosti i vozvratnyie mehanizmyi evropeyskogo soznaniya (destruktyvnyiy opyt M. Haydeggera po poisku pervoistoka evropeyskogo myishleniya) [Thinking in primordial and returnable mechanisms of the European consciousness (M. Heidegger's destructive experience on the search of first source of the European thinking)]. Scientific and theoretical almanac «Grani» 20; 7(147), 104-114. doi: 10.15421/1717102 (in Russian).

Received: 15.06.2017

Accepted: 12.07.2017

Мислення у своїй споконвічності та поворотні механізми європейської свідомості (деструктивний досвід М. Гайдеггера пошуку першовитoku європейського мислення)

В. Б. Окороков

Дніпровський національний університет ім. Олеся Гончара, Дніпро, Україна

Досліджується поворотний механізм свідомості у творчості М. Гайдеггера до першоджерела й споконвічності європейського мислення. Показується, що М. Гайдеггер не тільки творець і розробник екзистенціальної філософії, не тільки один з найвидатніших критиків європейської метафізичної культури мислення, але і один з тих європейських мислителів, який шукав шляхи подолання цих протиріч (насамперед метафізичності). Для цього аналізується, з одного боку, сам механізм зворотного руху Гайдеггера до першоджерел європейської думки (деструкція) і, з іншого боку – сутність його перевідкриття у сучасному просторі мислення такого споконвічного мислителя, як Геракліт. Хоча Гайдеггер до споконвічних мислителів відносить також Анаксимандра та Парменіда та перевідкриває їх для сучасної філософської думки, наше дослідження скоріше пов'язане із творчістю Геракліта, тому що, на наш погляд, саме в його творчості чітко прослідковуються поворотні механізми свідомості, тобто Геракліт повинен бути першопочатковим не тільки як «батько» логіки («слогосності»), діалектики (способу мислення) і онтології (пошук буття природи), але й як «батько» феноменології (буття свідомості) і герменевтики (розуміння сутності буття природи).

Ключові слова: поворотний механізм; мислення; буття; сутність; метафізика; джерело; першоджерело; початок мислення; Гайдеггер; Геракліт

Европейское мышление. Как много критики в самое последнее время выпало на его долю. Что же представляет собой это особое загадочное явление бытия и есть ли у него истоки, благодаря которым оно проявилось в европейском человеке? Согласно библейской версии мышления, вначале было слово, и это слово был Бог. Если мышление, ориентированное на слово, было всегда, что в таком случае представляет собой эволюция или эволюция – это свойство тварных существ, никак не связанное с мышлением? – Тварное эволюционирует, а Божественное вечно. Итак, можно ли ответить на простой вопрос: изменилось ли мышление с тех пор, как появились первые осмысленные попытки его истолкования (оно проявляется и угасает вместе с эволюцией) или оно является фундаментальной характеристикой любого бытия? Все эти вопросы, которые можно отнести к различным способам интерпретации бытия сознания, все же относятся к самому бытию человеческого сознания.

Прошло более двух тысяч лет со времен постановки вопроса о сущности античного мышления (в творчестве Сократа, Платона и Аристотеля), еще больше времени прошло со времени установления сущности Атмана в ведических источниках древней Индии. И вот оказывается, что в наше время (после появления психологии, психоанализа, феноменологии, экзистенциальной философии и т. д.) современная философская культура мало продвинулась к тайне понимания сущности мышления, а в чем-то, возможно, еще и не достигла того уровня понимания, который был свойственен досократикам и творцам вед. Вот почему многие современные мыслители (Э. Гуссерль и М. Хайдеггер, М. Фуко и Ж. Делез, А. Бадью, А. Гхош и С. Прабхупада) настойчиво искали доступ к древнейшим знаниям. Правда, пути продвижения к этому знанию на Западе и на Востоке существенно различаются. Попробуем разобраться в

этой проблеме, прежде всего, пройдя путь М. Хайдеггера, – пожалуй, наиболее яркого представителя современной европейской культуры, искавшего механизм «возврата» к истокам нашего мышления. Аналогичная теория просматривается у А. Гхоша и С. Прабхупады (но это тема другого исследования).

Онтологическая мысль М. Хайдеггера, ученика Э. Гуссерля, берет свое начало в средневековье. То есть, фактически, у истоков формирования своей системы он попытался встать на тот же путь, который, собственно, был типичным для схоластических мыслителей. В то же время, будучи учеником Гуссерля и критиком его (и Брентано) феноменологической модели сознания, Хайдеггер проводит фундаментально-онтологический анализ всего западноевропейского мышления и обращается в поисках его фундаментальности к мыслителям Древней Греции. Первоначальный сценарий этого возвратного движения сознания (по обозримой истории) – это обращение к Сократу, Платону и Аристотелю. В таком возвратном движении на пересечении современной феноменологии Гуссерля и первоначальной логической мысли греков в сознании Хайдеггера рождаются новые мотивы европейского мышления – экзистенциальный, герменевтический, топологический и т. д. Возвращаясь к грекам, Хайдеггер, фактически, обнаруживает мощный механизм обращения к родовым истокам европейской мысли. Такой механизм ранее уже испытала на себе и средневековая, и возрожденческая, и новоевропейская философия. Однако, опираясь на современные методологические установки, немецкий философ находит новый (онтологический) ракурс прочтения древнегреческой мысли, и пытается сопоставить современную мысль и подлинности мысли древних греков. Опираясь только на европейскую философию, Хайдеггер направляет свои усилия на то, чтобы вернуться к истокам ев-

ропейского сознания (в поле греческого мышления). В поиске фундаментальности он отвергает все промежуточные звенья европейской системы мышления и возвращается к ее истокам. Механизмы возвратного потока мысли, направленного на анализ истории (философии или, точнее, логики и метафизики), словом, поиск начала (или истоков) европейской мысли, Хайдеггер (как мы видим из его работы «Изречение Анаксимандра» [10]) обнаруживает у Брентано, Дильтея, Ницше, Гегеля и, с оговорками, Гуссерля. Ведь и сама мысль (например, его учителя Гуссерля) должна существовать, или длиться во времени, то есть продвигаться, по мнению Хайдеггера, к своим истокам.

Обнаружив новый мощный метод работы с традицией (деструкцию), Хайдеггер ищет фундамент (исток) каждой классической области знания (метафизики, логики, искусства, онтологии и т. д.). Мысль Хайдеггера предельно проста: только у истоков раскрывается подлинная сущность любой науки. Образец такой фундаментальной работы своей мыслью в области искусства он показывает в работе «Исток художественного творения».

Результаты точно такой же фундаментальной работы применительно к философии Хайдеггер демонстрирует в первом паломничестве к истокам европейской философской мысли (в Древнюю Грецию); первоначально он обращается к Платону, Аристотелю и Сократу. Но в своем первом возвратном движении к творчеству этих выдающихся мыслителей он обнаруживает подмену (овнешвление, неподлинность) и вынужден, минуя этих выдающихся греков, обратиться к более ранней традиции, продвинуться в более раннее историческое пространство европейской мысли (так он проводит вторичную деструкцию). Второе возвратное движение (паломничество) к подлинным истокам европейской мысли связано с его исследованием мышления Анаксимандра, Гераклита и Парменида. Угроза утраты фундаментальности заставляет Хайдеггера прорываться через языковые (прежде всего, этимологические и смысловые) барьеры древнегреческого языка к подлинному истолкованию фрагментов ранней греческой мысли. Еще более глубокого (третьего) продвижения к истокам (третьей деструкции) Хайдеггер не проводит, так как, по его мнению, началом европейской мысли является то место (топос) в истории мысли, в котором рождается логика.

Этим местом является, по его мнению, «топосом» мысли, в котором рождается логика, является обнаружение «логоса», «истины» и «сущего», благодаря которым становится возможным именовать то, что мы теперь называем «европейской мыслью». Однако подлинное и окончательное продвижение к истокам мысли или механизмы возвратного движения к истокам, как мы видим, еще не исчерпаны и, следовательно, Хайдеггер лишь обнаружил механизм возвратного движения мысли

(деструкцию), фундаментально обозначил его, но не завершил. Показать это и является важнейшей задачей данного исследования.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что Хайдеггер очень глубоко использует обнаруженный им сценарий работы с мышлением и традицией. Это подход очень напоминает философско-феноменологический метод Э. Гуссерля, но имеет существенно новый механизм – поиск фундаментальности (то есть обращение к первоистокам любой мысли, в том числе и европейской). В таком подходе М. Хайдеггер проясняет для себя сущность процессов, происходящих в современном западноевропейском (самом продвинутом, как он считает) мышлении: 1) очевиден кризис всех происходящих процессов; 2) необходимо попытаться найти истоки этих процессов (и обнаружить, тем самым, истоки кризиса); 3) этот кризис, прежде всего, должен быть связан с (неправильностью, подменной подлинности) мышления; 4) неправильность (утрата фундаментальности) самого мышления, очевидно, восходит к формальной логике Аристотеля; 5) с учетом проявления в современном мышлении таких механизмов, как феноменологические, экзистенциально-философские, герменевтические, в целом антропологические и т. п., необходимо использовать их для прояснения кризиса механизмов мышления; 6) работа над сущностью фундаментальной онтологии указывает, что современному мышлению, возникшему и проявившемуся первоначально в Древней Греции, не хватает фундаментальности; 7) необходимо вернуться к истокам современного европейского мышления, чтобы разобраться, где произошла подмена фундаментальности и, по возможности, исправить эту ошибку.

Основная мысль М. Хайдеггера (после фундаментально-феноменологического поворота в его творчестве 1929 г.), таким образом, сводится к тому, чтобы вернуться к истокам (началу) европейского мышления (произвести философско-возвратный механизм мышления), понять сущность (проблемы и ошибки) современного мышления. Очевидными фундаментальными факторами «кризиса» (остановки) европейского мышления является его формально-логический характер (постоянное обращение к формальной логике), метафизичность (внешний подход к сущности мышления), математичность (понимание арифметики и геометрии как образцов чистого мышления), недостаточность онтологической фундаментальности и глубины понимания, словом, внешний способ формирования европейского мышления.

По рецепту феноменологии Э. Гуссерля все проблемы нужно искать в самом мышлении и его механизмах (прежде всего, исторических). Следовательно, нужно разрушить монополию исторического (в данном случае, логико-метафизического) мышления на возможность формирования

европейского дискурса (разрушить сложившуюся монополию на власть логико-метафизического дискурса) и исследовать другие механизмы формирования дискурса, то есть заменить способ формирования становления (грамматики, синтаксиса и семантики) современного языка. Рецепт у Хайдеггера (как ученика Гуссерля), собственно, один – феноменологический, но с небольшой поправкой, связанной с возвратом к истокам проявления самого мышления (с использованием механизмов исторической памяти). Безусловно, исследование механизмов памяти прошлого (мышления о прошлом) было свойственно христианскому мышлению. Бл. Августин, Ф. Аквинский, а в современности К. Барт, П. Тиллих, Х. У. фон Бальтазар и др. проводили исследования по «формированию и бытию» европейского мышления во времени и истории. Но их рецепты в целом не вышли из зоны притяжения метафизики.

О возвратных механизмах мышления (или возвращения к истокам родовой памяти) писали европейские и восточные мыслители XX в. (К.-Г. Юнг [15], позже К. Леви-Строс [6–7], Ж. Лакан [5], М. Фуко [9], Ж. Делез [2–4], А. Бадью [1], А. Гхош [8] и др.). Похожие механизмы работы над историческим мышлением и традицией использовали в самом начале XX в. Л. Шестов [7] и Н. Бердяев. Но, как об этом сказал бы сам М. Хайдеггер, а в целом этой же мысли придерживалась и вся европейская философия XX в., русским мыслителям не хватило фундаментальности (хотя бы такой, какая была у Вл. Соловьева), а западноевропейским – этимологичности (они были лишены того феноменального чувства, которое было у Хайдеггера в понимании смысловых коннотаций изречений древних греков). Такие возвратные механизмы сознания (и психики) в современной европейской философской традиции XX в. были именованы по-разному: архетипичность, реконструкция, деконструкция, трансгрессия, герменевтика, психоанализ, ризомность, родовая процедура и т. д. Фактически же все эти механизмы были обращены в прошлое, нацелены на работу с исторической памятью, мышлением и традицией, которые возвращает нашу мысль в историческое прошлое. Все эти механизмы работы с мышлением как раз и были сформированы в европейской философской философии (и культуре) для поиска ее фундаментальности.

Тем не менее, внимательный анализ показывает, что, пожалуй, наиболее ясно, отчетливо и обоснованно идею возвратного механизма сознания высветил М. Хайдеггер. Такого рода возвратный механизм (по поиску фундаментальности европейского мышления) он назвал деструкцией (возвращения к истокам (началу) мышления).

Попробуем и мы вслед за Хайдеггером возвратиться к истокам европейского мышления (к родовым и философским процедурам Древней

Греции), чтобы разобраться в том, все ли ресурсы задействовал немецкий мудрец XX в., один из самых тонких и хорошо понимающих голос греков мыслителей современности.

Уже в самом начале второй деструкции М. Хайдеггер отчетливо формулирует цель своего исследования: «... речь пойдет о начале западного мышления. Под словом «мышление здесь понимается мышление мыслителя. С давних пор это мышление называют «философией» [12, с. 19]. Немецкий мыслитель сразу ограничивает этимологические и смысловые рамки своего исследования. Ведь под указанное определение «философии» подойдут многие мыслители, стоящие у истоков восточной культуры (у истоков формирования восточного способа мышления). Но это закрытый для него ареал. Он игнорирует те области, где восточная культура пересекается с европейской, его интересуют только истоки европейской логики. По его мнению, логика восточной культуры в исследуемый им период (начиная с истоков древнегреческого мышления) не влияла на самостоятельное формирование логики европейского (философско-научного и метафизического) мышления. Может быть, в более ранний период она и оказывала такое влияние, но это влияние находится за границами исследуемого им периода формирования древнегреческой мысли. Родовая память европейцев восходит к древним грекам, обнаружившим «логос» и «истину». Здесь были сформированы философия (и науки), логика, здесь были истоки и начала современной европейской мысли. Более ранние формы сознания (например Пифагора) его не интересуют. Ведь речь идет об истоках современной европейской мысли.

Однако тонкая интуиция, а точнее - прекрасное знание подлинного этимологического смысла изречений древних греков, позволяет немецкому философу сделать вывод: недостаточно для понимания фундаментальных вопросов обратиться к общепризнанному источнику формирования мысли греков (то есть начать родовую линию современной европейской культуры от Сократа, Платона и Аристотеля). В их творчестве мы еще не достигаем истоков «логосной» культуры. Подлинная «логосная» мысль греков является более древней и начинается там, где греки начали мыслить логически и обнаружили истину бытия мышления. Проанализировав правильность и аутентичность переводов Сократа, Платона и Аристотеля, Хайдеггер приходит к выводу, что, с одной стороны, уже в трудах первых комментаторов их творчества произошла грубая подмена сокровенных мыслей этих мыслителей, а с другой – подлинные истоки европейского мышления восходят к более ранней традиции (к таким «изначальным мыслителям», как Анаксимандр, Гераклит и Парменид, которые мыслили «в круге начал» [12, с. 20]). Как раз исследованию этой линии (второй деструкции, в

нашей терминологии) и посвящен цикл его более поздних лекций, а в дальнейшем и статей, в которых он не просто обращается к сакральным «вехам» европейской культуры (Платону, Аристотелю, Ницше, Дильтею, Гуссерлю и т. д.), он, скорее, преодолевает их «историческую и фундаментальную узость», обходит их, используя механизмы родовой памяти, родового (даже национального) сознания, чтобы соскользнуть (в феноменологическом смысле) в глубины более раннего мышления, к истокам (началам) европейской «логосной» мысли, заменить историю (логического развертывания формально-метафизической мысли), закрывшую вход в подлинное мышление, экзистенциально-феноменологической деструкцией (историей движений, порывов и творческих открытий мысли в новом, фундаментальном, понимании), чтобы найти источник фундаментально-онтологической мысли. Такая трансформация начала мысли, по его мнению, может позволить преодолеть регрессивные механизмы (устоявшегося и овнешненного) мышления и открыть путь к «новой логике», более продуктивной, которая поможет вывести нашу мысль по ту сторону метафизической «скуки» [15]. Как раз на этом рубеже Хайдеггер как бы разводит (демаркирует) мысль досократиков и мысль после Сократа (послесократиков, в том числе Платона и Аристотеля). По его мнению, только мысль досократиков является фундаментально «чистой» настолько, что она еще не замутнена влиянием последующей «логосной» традиции, именно поэтому она является такой темной (и непонятной). «Если предположить, что слово мыслителя в своем речении отличается от языка повседневности, если всякое значение его речи... таит в себе... глубинный смысл, тогда сказанное Гераклитом открывает нам нечто необычное» [12, с. 25]. За темной мыслью Гераклита скрывается подлинное начало (истоки) европейского мышления. Вот правозвездие Хайдеггера.

Он прекрасно понимает, что остановить мысль (поток традиции) невозможно, но можно попытаться что-то в ней изменить, найти процедурные возможности продвижения по этой мысли в прошлое (задействовав деструктивные цепи сознания). В таком случае можем ли мы с позиций современной культуры пробраться к подлинности (аутентичному звучанию) мысли Гераклита (или других древних греков)? Хайдеггер считает это возможным. Ведь остались источники этой мысли (тексты и изречения). Проблема лишь в правильности и аутентичности их перевода и истолкования. Эту сложную задачу Хайдеггер берет на себя, стремясь вернуть досократикам подлинность их мысли (незамутненную последующими перетолкованиями), и обнаруживает целую систему подмен или неаутентичных (дискурсивных) перетолкований (возможно, своеобразную логику) в становлении европейской мысли. Современные мыслители

(в поиске такого рода подмен) также призывали вернуться назад, но к более близкой истории (Ницше, Гегелю, Хайдеггеру, Картезию, идеям стоиков и Просвещения). И хотя эти мыслители XX в. (Дильтей, Адорно, Хоркхаймер, Хабермас, Делез, Шестов и др.) использовали тот же механизм обращения к исторической мысли, что и Хайдеггер, и на его основе стремились обнаружить истоки современной мысли (формула «назад к Канту» и ей подобные), Хайдеггер (на основе экзистенциальных прозрений) утверждал, что подмена произошла раньше и, проявив жесткий радикализм, призывал вернуться назад к грекам. «Изначальными мыслителями», по его мнению, являются Гераклит, Анаксимандр и Парменид.

Так Хайдеггер вступает в область «господства» подлинной греческой мысли. В размышлениях о Гераклите он пишет: «... во всей метафизике, от Платона до Ницше, господствует теологический момент, потому что в качестве причины мира непременно мыслится «божественное»...; (и в мышлении Гераклита) «царствует близость к богам...». Однако «богиня мыслителя Гераклита (Артемиды)... – богиня того, что этот мыслитель должен мыслить... Отношение греков к богам, помимо прочего, есть именно знание, а не вера в смысле намеренного принятия чего-нибудь за истину на основе... авторитетного возвещения... Артемиды является с факелами в обеих руках. Ее называют... светоносной; существо света... – это та ясность, которая прежде всего дает чему-то появиться и таким образом выйти из сокрытого в несокрытое... Равным образом существо «фюсис»... выражается в восхождении и самораскрытии в открытое и проясненное... (свет)», («фюсис» как восхождение и сияние, явление) «коренится в одном и том же, а именно в том, что... не было продумано во всем единстве своего сущностного богатства. Мы называем это одним еще не до конца продуманным словом «просвет» [12, с. 31–35]. Уже в этом довольно ясном введении в мысль Гераклита Хайдеггер стремится показать, что у ее истоков греческой мысли лежит божественный свет, который вводит мысль в пространство несокрытого, явленного, и только в таком «божественном» свете начинает проявляться то, что мы называем «фюсис» (природа), точнее, в этом свете начинает проявляться сущность природы. У истоков греческой традиции мысль открывается как светоносная, ибо открывает «природу» для себя в просвете существования (бытия) природы. Мышление и есть возможность освещать природу и в таком свете (просвете) ее показывать (раскрывать) в виде знания. Если бы не было этого божественного света, человек был бы обречен ничего не увидеть, ничего не раскрыть, не обнаружить то, что является (в просвете). Явленное (сущностное) открывается только в освещенном пространстве (и источник этого света – божественное). Собственно, такую

иллюминативную теорию познания в дальнейшем использовали Платон и Августин, Плотин и в определенном смысле Аквинат и т. д. Итак, первая мысль греков появляется в загадочном «просвете». Источник этой мысли у Гераклита огонь (божественное). В христианской теологии «в начале было слово, и это слово был Бог». Этимологическая коннотация христианских и древнегреческих истоков мысли, похоже, идентична.

Однако Хайдеггер пытается истолковать только фактический (доступный) ему и очевидный для него материал, – слово Гераклита, которое он находит в текстах, слышит и понимает. Истоки «Библии» для него не столь очевидны и скрываются за завесой другой начальной (сокрытой) мысли. Свет «Библии» для него закрыт. Хайдеггер хорошо понимает, что «пытаясь войти в мышление Гераклита, мы вступаем на почву, поистине преисполненную опасностей... Чем глубже мыслитель, тем глубже единство помысленного им с его словом. Если в сфере сущностной истории, к какой принадлежит и история мышления, нет ничего случайного, тогда не случайно и то своеобразие, в котором изначальное слово этого мыслителя обращается к нам» [12, с. 55–56]. Боясь ошибиться, Хайдеггер вступает только на хорошо известную ему почву мышления древних греков. Он не отрицает ни христианскую, ни восточную мысль, он просто в ней не уверен, он не знает ее настолько же хорошо как древнегреческую.

Более того, он видит историю европейского мышления как историю становления сущностной мысли. То есть изначально в своих размышлениях ограничивает мысль древних философов («логосным» пространством). Мысль о природе раскрывается в свете божественного (под руководством Богов, которые и есть источник света), и мысль, открывающаяся в таком свете, есть существенная мысль (мысль, схватывающая природу в ее сущности). Именованная мысль о природе превращается в понятие, в понятие (сущностный просвет, в котором просматривается природа). Поэтому истоки диалектического мышления Гегеля не только в диалектике Гераклита, перетолкованной достаточно превратно, но и в самом способе подачи мысли (из сущности – из понятия). Гегель лишь подвел черту под сомнениями европейских мыслителей начиная с Гераклита и Платона: понятие о вещи и есть сущность вещи (а значит нужно исследовать уже не природу, а систему сущностей, систему понятий), тем самым Гегель окончательно закрывает доступ к подлинности досократической мысли, ориентированной на приоткрывание природы в просвете бытия, который есть мышление.

В таком случае, «...как должно-быть-помысленным – раскрывается изначальным мыслителям...»? Что приоткрывается в их мышлении? Хайдеггер, отвечая на эти вопросы, ищет ответ у современных мыслителей. «Если Гегель и Ницше

(последний, правда, в ином смысловом ракурсе) на самом деле видят в Гераклите своего великого предтечу и близкого по мысли философа, тогда можно сказать, что в XIX веке – веке торжества историографии – совершается то историческое осмысление, крайние следствия которого ощущаются до сих пор, а его еще дающая о себе знать причина, со своей стороны, достигает почти до начала западноевропейского мышления» [12, с. 62]. Немецкий философ прямо говорит, что даже в XIX в. мы сталкиваемся (в лице Гегеля и Ницше) с мышлением, истоки которого находятся в Древней Греции. В таком случае логично оттолкнуться от мышления наиболее ярких представителей современной западноевропейской философии и поискать сущность такого (современного) мышления у истоков. После того, как на первом этапе своего философствования Хайдеггер обнаружил причину кризиса современной философии (нехватку фундаментальности), он (уже на втором этапе) стремится раскрыть фундаментальность у ее истоков. В такого рода поиске (на такого рода пути) более поздний Хайдеггер постоянно колеблется между четким логическим (сущностным) мышлением греков и современным (уводящим в горизонт прошлого и будущего) экзистенциальным мышлением (с неярко выраженными контурами). Но если для первого из них прослеживается строгий фундамент, на котором возведено здание всей европейской традиции, то для второго – еще лишь проявляются неясные контуры неизвестной области мышления (с мало изученными перспективами ее изучения в рамках феноменологии и антропологии). Хайдеггер, руководствуясь обеими подходами, отправляется в путь поиска их истока, так как, с одной стороны, обнаруживает огромные трещины и разрывы в классическом мышлении, с другой – ощущает невысказанность, непонятость, темноту (как у Гераклита) неклассической экзистенциальной мысли. Оба пути (подхода) ведут в своих истоках в Древнюю Грецию.

Примирия оба пути, немецкий философ возвращается в «темное» (угаенное, закрытое традиционным классическим мышлением) прошлое и ищет их изначальность. Под изначальностью он понимает начало, исток такого (метафизического) способа мышления, в котором еще в концептуальной форме рождается (сущностная) европейская мысль.

Хайдеггер отмечает, что в концепции Гераклита «глубинное, существенное мышление представляет собой некое знание... сущее есть сущее благодаря тому..., что оно «есть», то есть благодаря бытию... Сущее... есть искомое..., но ищет его только в мышлении, которое ищет сущее, бытие сущего и то, что ему, этому бытию, присуще...» (вопрос «что есть сущее?») имеет лишь одно значение – что есть бытие сущего?» [12, с. 73–80]. Однако если сущее приоткрывается в свете (исто-

рии), то не означает ли это, что в той же истории с ним может случиться и «захождение» [12, с. 75]. Скорее всего, Хайдеггер именно в таком значении слышит сущность современного мышления: отходя (удаляясь) от истоков, оно начинает заходить (утаивать, скрывать и прикрывать) подлинное (изначальное) мышление. Итак, в свете (просвете, в том числе и историческом) бытия мышление может приоткрываться и прикрываться. Закрывание любого мышления лишь вопрос времени (и истории).

Задавая вопрос о том, что есть «заходящее» – мы мыслим «мимо» речения, потому что мыслим не глубинно-существенно, а «привычно» [12, с. 75] (мыслим догматически). Но немецкий философ цепляется за эту существенность, потому что, с его точки зрения, мышление только и может быть сущностным (понятийным). Однако в таком ракурсе оно становится «привычным», опирающимся на традицию (чисто историко-философским) и закрывающим (этой последующей историей философии как системой перетолкований) начало. Но оно может быть и глубинным, уводящим (в поиске понимания сущности) к истокам бытия. Речь в последнем случае идет «о поиске сущего из бытия» [12, с. 80], бытия как истоке (и происхождении) сущего, которое, в то же время, открывается только в мышлении (направленном на сущее) – сущностном мышлении. «Бытие есть то, из чего происходит всякое сущее» [12, с. 80]. Это и есть едва заметная особенность (тонкость) европейского мышления, которую удается уловить Хайдеггеру. Бытие раскрывает (показывает) свою сущность только в мышлении (понятийном мышлении), и соответственно, только таким образом и может быть понятым (бытие несет в себе понимание и раскрывает (приоткрывает) себя в этом понимании мышлению). Поэтому герменевтика (как искусство понимания) и феноменология (возможность зреть природу бытия) – это первичные глубинные свойства мышления, которые европейская философия обнаружила только в современности (на границе своего заката, прикрывания, который и услышали такие тонкие мыслители, как Фр. Ницше и О. Шпенглер).

Какой же самый характерный признак возможности возврата к истокам мышления? Хайдеггер считает это признаком наличия бытия (и мышления, и природы). По его мнению, Аристотель (а вслед за ним и европейская культура) «мыслит бытие как нечто такое, откуда берет начало всякое сущее, и потому бытие всегда оказывается «древнее» сущего... Когда мыслитель мыслит бытие, он представляет сущее как находящееся в том, что уже было» [12, с. 80]. Итак, подлинный мыслитель обращен к бытию (то есть к прошлому сущностного мышления), или лучше сказать, к тому прошлому, когда бытие первоначально проявилось у истоков мышления, когда оно вообще проявилось

в мышлении (по Хайдеггеру, в Древней Греции). Это несколько противоречит «сущности» экзистенциальной философии (которая, скорее, рассматривалась немецким мыслителем как «проективное» мышление), но проект может быть не только о будущем, но и далеком (порой забытом и заслоненном историей) прошлом. Деструкция – это и есть «проективный» взгляд на далекое прошлое нашего мышления (приближающегося в таком возвратном движении к своим истокам). Как любил говорить Хайдеггер, на этом пути мы наблюдаем «мышленные мышления» (в определенном ракурсе, бытие мышления), а поиск бытия, согласно его представлений, – это путь в прошлое.

Как же в таком случае должен мыслить подлинный мыслитель? Аристотель, по Хайдеггеру, определяет такой способ мышления «как нечто такое, что по отношению к сущему уже есть, то есть как нечто такое, что «было»... Этот способ мыслить бытие сущего обосновали Платон и Аристотель» [12, с. 80]. Как раз в этом месте при расшифровке того, какой способ мышления должен быть избран для установления «истины» (в месте установления «логики»), и возможны ошибки. Поздние греки и христианская традиция неправильно истолковали прозрения древних и их природную логику. Они исходили из первичного наличия именно сущего (сущности) в виде «идей», «слов», «понятий», «категорий» и т. д., тогда в начале, как указывает Хайдеггер, должно быть бытие (идей, слов, понятий, природы и т. д.). Бытие всегда предшествует мышлению и сущему. Этого не знали, это подменили и потому забыли об этой подмене греки (после Платона и Аристотеля). В этом месте подмены и возникла (вечная, от Бога) формальная логика Аристотеля, вечная логика поиска первоначал Аристотеля, вечная (божественная) геометрия Эвклида и т. д. В таком вечном «топосе» европейская мысль начала находить свое успокоение (то, что Ницше назвал «движением по лестнице вниз»).

Хайдеггер ищет подходящие для понимания метафизического мышления этимологические смыслы. Он пишет: «Выходить за пределы чего-то» и «переходить к другому» выражается греческим предлогом «мета» [12, с. 81]. Именно так был истолкован возможный путь к бытию. Ведь так просто представить природу как «сущность», открывающуюся мышлению, которое в поисках истоков природы (бытия) вынуждена выходить за пределы (мета) сущностного (в смысле природы) мышления. Тем самым обозначается разрыв в мышлении прошлого (мышлении бытия) и мышлении на пути «мета» (метафизическом), мышлении (вечного) настоящего (точнее, вечного сущего, оторванного от бытия) – на этом последнем пути возникают знания о природе (это путь эпистем или наук, поскольку сущих много). Есть, правда, еще третий тип знания – математические идеи, которые

не принадлежат ни прошлому (бытию), ни настоящему (сущему), они, скорее, вечны (кто же будет оспаривать $(2+2)$ или геометрию Эвклида, или треугольник Пифагора?). Однако, как показали исследования математиков XIX в., прежде чем строить треугольник Пифагора, нужно разработать теорию бесконечно малых и теорию множеств (иначе на всех стадиях построения треугольника нас ждут противоречия).

Итак, мы снова возвращаемся к вопросу, что значит мыслить изначально? По Хайдеггеру, это значит мыслить природно (от истоков, от бытия), а не метафизически (от того, что дается мышлению «сверху», за пределами нашего понимания природы). Это значит находиться вне времени не потому, что изначально мышление (как восходящее к бытию) является вневременным, а потому, что бытие и время принадлежат друг другу. А это уже новое (хорошо забытое) подлинное открытие Хайдеггера. «Будучи словом всех слов, «бытие» есть просто изначально «временное слово». Являясь словом всех слов, оно называет «время всех времен». Бытие и время изначально принадлежат друг другу» [12, с. 83]. И потому восходя к бытию, мы в потоке мышления, направленном на бытие, преодолеваем время. Складывается иллюзия, что в таком случае мы мыслим «мета», вневременным способом; фактически же, мы мыслим в этом случае изначально, в круге мышления Анаксимандра, Гераклита и Парменида. Мы мыслим природу (и вещи), исходя из самой природы и (бытия) самой вещи. Проясняя сущность такого мышления, складывается иллюзия, что мы в этом случае мыслим сущее, ибо стремимся именовать все природное (в системе сущностей, в системе сущностно заданных координат). Это конечно координаты Аристотеля. Фактически же, в этом месте уже не природа, а язык (система понятий, категорий и суждений, даже «идей») входит в свое владение. Метафизический способ мышления может проявляться лишь на уровне языка (оторванного от природы и бытия). «Мета» порождает язык, а язык порождает новый язык. Так, опираясь на метафизику Аристотеля, мы входим в зону языкового (логики-понятийного) способа мышления. Как считает Хайдеггер, «... на Западе более двух тысячелетий отношение к слову определяется грамматикой, что она, в свою очередь, утверждается в том, что обычно называют «логикой», а та представляет собой лишь какое-то одно – не единственное – истолкование мышления и сказывания, а именно ту интерпретацию сущности мышления, которая характерна для метафизики» [12, с. 96]. Замкнув свое мышление на языковые и логические процедуры, мы сразу привязали себя к метафизической системе координат (названной, может быть, незаслуженно, именем Аристотеля), ибо «мета» и есть изреченное свыше (из-за пределов природы) слово, которое (в силу феноменологических особен-

ностей самого мышления) и может быть навязано лишь откуда-то изнутри (из глубин самого мышления, а не из глубин природы), ибо это слово оформило и саму природу.

Явленное изнутри (именованное и надприродное) закрывает природное (приоткрывающееся и приоткрывающееся). Дискурс (или власть языка) заменяет и вытесняет изначально (и в этом смысле природное по самой природе метафизического мышления, вытесняет власть природы). Когда мысль порождает мысль, в конечном счете, по Хайдеггеру, осуществляется подмена подлинного и природного. Природный способ мышления поменяется логическим, как будто логическая система мышления является единственно возможной. Хайдеггер жестко связывает метафизическое и логическое мышление. Он пишет: «Со времен Платона, то есть со времени начала существования метафизики, появляется и то определение сущности мышления, которое называют «логикой»... «Логика» – это отпрыск метафизики, если не сказать уродливое дитя» [12, с. 147]. Исходя из этого, Хайдеггер указывает на два разных потока мышления и ищет различие между существенным и обычным мышлением, которое «коренится в том, что является предметом их мысли, поскольку различие в том, что в них помыслено и что должно мыслиться, восходит к различию между сущим и бытием, поскольку в западноевропейской истории это различие... не становится темой и не продумывается именно как различие...» [12, с. 191–192]. Хайдеггер видит проблему именно в том, что, обращаясь к сущему, европейские мыслители жестко привязывают себя к логической (метафизической) системе координат мышления и закрывают возможность вернуться к изначальному (фундаментально-онтологическому) мышлению. Логическое мышление становится обычным (привычным) и считает излишним всякий иной способ мышления.

Хайдеггер прекрасно понимает метафизический характер современной философии и старается изменить систему координат европейского мышления. Его новая система координат мышления не является восточной, но она вводит европейское мышление в ту же область, где приоткрывается (подмененная, овнешненная и забытая) изначальноность, подлинность и глубина мышления.

Видимо, хайдеггеровскую мысль можно трактовать и так. Мышление – это особый способ бытия, который позволяет схватить его (а также природу и космос) в определенном ракурсе (посредством определенной логики, например, метафизической или онтологической) и в зависимости от этого ракурса по разному понимать конечное, бесконечное и божественное, можно, например, увидеть мир как стояние (картинку, остановившийся кадр), а можно воспринимать мир и как движение (фильм, систему кадров). Ведь измене-

ние, становление и движение – это тоже способ бытия. Хайдеггер, опираясь на мысль Гераклита, показывает, как в разных вариантах бытие может раскрывать себя в мышлении. (Логос – гармония – природа – космос) «говорят одно и то же, но каждый раз – в каком-то ином исконном определении бытия» [12, с. 225]. Почему же бытие являлось изначальным греческим мыслителям в разных образах? Вероятно, потому, что они собирали целостность мышления исходя из разных посылок о бытии (из разных представлений о бытии). Вот это изначальное собирание Хайдеггер и считает истоком европейского мышления (истоком философии). И поскольку в своем изначальном мышлении греки (и Гераклит, и Парменид) руководствовались божественной мудростью, подлинное мышление (несмотря на свою онтологичность) было божественным. «Бог указывает на нечто всегда значимое, то есть на сущностное. (Он) «должен совершать» (и раскрытие, и сокрытие природы) «в исконном единстве, а это происходит тогда, когда он подает знак» [12, с. 225]. Таким образом, и логос, и природа, и космос, и гармония – это лишь разные знаки, посредством которых в изначальном мышлении проявляется сокрытое бытие. Один из этих знаков – логос – стал символом разумности европейского человека. Но, очевидно, что логос как знак бытия свыше (у Гераклита) и логос как всевышний самодостаточный разум – это два принципиально разных образа бытия мышления, которые инициировали серьезные различия в понимании действительности у досократиков и послеплатоников. И сам «логос», как утверждает Хайдеггер, можно мыслить дометафизически и метафизически. «Будучи метафизическим, западноевропейское мышление» (послеплатоников) «в своей основе есть развертывание «логики» [11, с. 291]. Очевидно, в соответствии с таким раздвоением мышления на изначальное и логико-метафизическое, практически, все науки несут на себе печать такого раздвоения. Во всяком проявлении знака, с одной стороны, раскрывается изначальная (сокрытая) природа бытия, а с другой – то, что приоткрывается человеку в этой природе благодаря видению знака (но ведь это не одно и то же: видеть природу и знак природы). Знаковое мышление (и метафизическое, и философское, и научное, и даже религиозное) изначально раздвоено вследствие самой природы знака. Как пишет Хайдеггер, «двойственность – это знак необычного положения человека посреди сущего» [11, с. 396], человека, имеющего и природное, и мыслящее начало, и потому сочетающего изначальное (природное) и метафизическое (позаприродное) мышление. В силу такой необычной природы мышления, греческие мыслители вынуждены были вводить различного рода фундаментальные знаки, указывающие на раздвоенность мышления (логос – Гераклита, хора у Платона, энтелехия у Аристо-

теля, амальгама – у стоиков и т.д.). Эти фундаментальные знаки никак не способствовали возврату мышления к своим подлинным истокам, и, скорее, усложняли и запутывали само мышление. Вся последующая история лишь распутывала эти фундаментальные знаки, все более погружаясь в область логики и метафизики.

Феноменологическая система координат лишь меняет ракурс представления о мышлении. Например, в этой системе мышление можно понимать как феноменологическую кинокамеру, которая будет выступать в качестве системы считывания природы (мира), то есть зависимом или независимом сознании. В таком ракурсе сознание – это природная кинокамера, которая инициирует определенный способ (логику) восприятия мира и которая способна менять логику (систему интерпретации и координации) мышления (медитировать, видеть сон, понимать мышление как природу или действительность, понимать природу как мышление), словом, это универсальный механизм считывания, интерпретации и реконструкции природы (внешнего), в котором даже внутренние состояния мышления могут выступать как внешняя природа (логика). Пытаясь найти незаинтересованное (за пределами какой-либо схемы или логики) мышление и обращаясь к изначальному мышлению Гераклита, Хайдеггер, указывает на наличие в мире изначальной красоты, которая не сотворена ни каким-либо из богов, ни кем-либо из людей. Это «природа, которая превышает богов и людей... Исконная краса... не «временна», а «вечна» [12, с. 210–211]. Отсюда у Гераклита возникает не только чувство первичного раздора в космосе (диалектика), но и чувство гармонии мира (природы) – «логосность». Схватывая их определенным образом, мышление раскрывается и как диалектическое, и как логосное. Это мышление «изначальный мыслитель» стремился раскрыть во всей его полноте.

Еще одной важнейшей характеристикой изначального мышления, по мнению Хайдеггера, является его открытость (бытию и природе). «Всякий, который есть как «кто», ... попадает в просвет» (бытия). «Он не просто стоит «в» просвете, как, например, ... дерево или зверь, но смотрит в него и это смотрение есть его «жизнь»... Боги и люди, поскольку они есть, есть только потому, что восходят в открытое... и таким образом никогда не могут в него сокрыться... (они) не могут скрыться от непрерывного восхождения» (в это открытое). «Греки... мыслят восхождение как бытие» [12, с. 218]. Мышление только тогда является подлинным, когда оно созвучно (соизначально) тому, что происходит с природой, и единственный способ мышления быть изначальным, это придать себе статус бытия, статус открытости. Даже «бог сам должен, будучи богом, соответствовать бытию, то есть сущности» (природы) [12, с. 224].

Движение мышления к своей изначальности,

таким образом (даже если оно теологическое) есть продвижение к бытию путем схватывания его открытости (у истоков мысли). А другого способа приблизиться к бытию попросту не существует. Так что экзистенциальный способ мышления – это не просто схватывание бытия в просвете, или улавливание его посредством экзистенциалов, это, прежде всего, продвижение к изначальности, где только и раскрывается подлинный статус бытия, ведь оно уже всегда «есть», а изначальное мышление и должно ухватить это «есть», то есть соскользнуть туда, где мышление попадает в среду того, что уже есть до сущего (до всего европейского мышления), в среду бытия; это значит преодолеть историческое пространство европейской культуры и соскользнуть в открытое пространство изначального мышления (только там открывается подлинное начало природы – его бытие, которое предшествует всякому сущему, а значит, обыденному и сущностному, чуждому природе логико-метафизическому мышлению). И поскольку только у истоков мышление начинает понимать свою подлинную природу, то и мудрость, по Хайдеггеру, «состоит в том, чтобы говорить и делать истинное в соответствии с сущностью вещей» [11, с. 437], то есть таким образом, чтобы мышление о вещи и природа вещи совпадали. Хайдеггер лишь подчеркивает знаменитую формулу, восходящую к досократикам, Сократу и Аристотелю о соотношении «ряда слов» и «ряда вещей», слов и вещей.

Греки, склонные во всех сложных проблемах мышления обращаться к авторитетному началу: миру идей Платона, логике и метафизике Аристотеля, – пошли по пути поиска истины в мире вечных идей и вечной математики, забыв о том, что изначальное мышление Анаксимандра и Гераклита

было темным и означало движение по пути «приоткрывания» природы, что путь «мета» – это, скорее, способ объяснения мышления «божественного», а не продвижение к его истокам. В изначальности Боги должны давать мышлению свет, а не вечность. «В вопросе о том, что есть сущее, – по мнению Хайдеггера, – мы мыслим» (не природно, а метафизически). «Что касается мышления изначальных мыслителей, то оно, напротив, еще не метафизично». Сущее они мыслили как бытий-ствующее, то есть как бытие [12, с. 82]. Путь «мета» закрыл исток, точнее, перенаправлял европейское мышление к Платону и Аристотелю (в мир чистой геометрии, точных чисел, высшего (а потому и ускользающего за горизонт мысли) добра и необъяснимой (и в таком смысле также ускользающей) красоты. Исток мышления был закрыт, и самые глубокие сценарии развития мышления не шли дальше «метафизики», «математики» и «логики». Эту закрытость мышления обнаружили только мыслители XX в. (как метко заметил К. Поппер, мы все еще очарованы Платоном). Феноменология Э. Гуссерля, экзистенциальная философия М. Хайдеггера – еще, по сути, лишь классические попытки выйти за горизонт классического (сущностного или логико-метафизического) мышления, начертанного Платоном и Аристотелем. Нужно сказать, что сущностное (логическое и метафизическое) мышление настолько укоренено в европейское сознание, что даже самые современные мыслители XXI в. не рискуют от него отрываться и постоянно возвращаются на его «орбиту» (по Хайдеггеру, находятся в круге классического мышления). Хайдеггер же нам показал, как опасно находиться в круге классического мышления и утратить корни всякой изначальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бадью А. Манифест философии / А. Бадью. – Санкт-Петербург: Machina, 2003. – 184 с.
2. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез / Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum Philosophicum*. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
3. Делез Ж. Различие повторение / Ж. Делез. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1998. – 384 с.
4. Делез Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез. – Екатеринбург: У-фактория; М.: Астраль, 2010. – 895 с.
5. Лакан Ж. Функции и поле речи и языка в психоанализе / Ж. Лакан. М.: Гнозис, 1995. – 102 с.
6. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1985. – 536 с.
7. Леви-Строс К. Неприрученная мысль / К. Леви-Строс // Первобытное мышление. – Москва: Республика, 1994. – С 111–336.
8. Сатпрем. Шри Ауробиндо или путешествие сознания / Сатпрем. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1992. – 328 с.
9. Фуко М. Слова и вещи (археология гуманитарных наук) / М. Фуко. – Санкт-Петербург: А-скад, 1994.
10. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра / М. Хайдеггер // Разговор на проселочной дороге. – Издательство: Москва: Высшая школа, 1991. – 192 с.
11. Хайдеггер М. Логика. Учение Гераклита о логосе (летний семестр 1944 г.) / М. Хайдеггер // Гераклит. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2011. – С. 231–468.
12. Хайдеггер М. Начало западного мышления (летний семестр 1943 г.) / М. Хайдеггер // Гераклит. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2011. – С. 19–230.
13. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество / М. Хайдеггер. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2013. – 592 с.
14. Шестов Л. На весах Йова (Странствования по душам) / Л. Шестов // Сочинения : в 2 т. – Москва: Наука, 1993. – Т. 2.
15. Юнг К.-Г. Синхроничность / К.-Г. Юнг // Синхроничность. – Москва: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1997. – С. 195–307.

REFERENCES

1. Badyu, A., 2003. Manifest filosofii [Manifesto of Philosophy]. Sankt-Peterburg: Machina. 184 (in Russian).
2. Delez, Zh., 1998. Logika smysla [The logic of meaning]. Delez Zh. Logikak smysla. Fuko M. Theatrum Philosophicum. Ekaterinburg: Delovaya kniga. 480 (in Russian).
3. Delez, Zh., 1998. Razlichie povtorenie [The difference is repetition]. Sankt-Peterburg: Petropolis. 384 (in Russian).
4. Delez, Zh., 2010. Tyisyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya [A thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-faktoriya; Moscow: Astral. 895 (in Russian).
5. Lakan, Zh., 1995. Funktsii i pole rechi i yazyka v psihoanalize [Functions and field of speech and language in psychoanalysis]. Moscow: Gnozis. 102 (in Russian).
6. Levi-Stros, K., 1985. Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literaturyi. 536 (in Russian).
7. Levi-Stros, K., 1994. Nepriruchennaya myisl [An untamed thought]. Pervobyitnoe myishlenie. Moscow: Respublika, 111–336 (in Russian).
8. Satprem, 1992. Shri Aurobindo ili puteshestvie soznaniya [Sri Aurobindo or the journey of consciousness]. Sankt-Peterburg: Aleteyya. 328 (in Russian).
9. Fuko, M., 1994. Slova i veschi (arheologiya gumanitarnykh nauk) [Words and things (archeology of the humanities)]. Sankt-Peterburg: A-cad (in Russian).
10. Haydegger, M., 1991. Izrechenie Anaksimandra [Pronunciation of Anaximander]. Razgovor na proselochnoy doroge. Izdatelstvo: Moscow: Vysshaya shkola. 192 (in Russian).
11. Haydegger, M., 2011. Logika. Uchenie Geraklita o logose (letniy semestr 1944 g.) [Logics. The doctrine of Heraclitus about the Logos (summer semester 1944)]. Geraklit. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal (in Russian). 231–468 (in Russian).
12. Haydegger, M., 2011. Nachalo zapadnogo myishleniya (letniy semestr 1943 g.) [The beginning of Western thinking (summer semester 1943)]. Geraklit. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal. 19–230 (in Russian).
13. Haydegger, M., 2013. Osnovnyie ponyatiya metafiziki. Mir – konechnost – odinochestvo [Basic concepts of metaphysics. Peace - limb - loneliness]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal. 592 (in Russian).
14. Shestov, L., 1993. Na vesah Yova (Stranstvovaniya po dusham) [On the scales Jova (wandering heart to heart)]. Sochineniya. Moscow: Nauka. 2 (in Russian).
15. Yung, K.-G., 197. Sinhronistichnost [Synchronicity]. Cinhronistichnost. Moscow: Refl-buk; K.: Vakler. 195–307 (in Russian).

*Окороків Віктор Брониславович – доктор філософських наук, професор
Дніпровський національний університет імені Олеся Гончара
Адрес: 49010, Дніпр, пр. Гагарина, 72*

*Okorokov Viktor B. – doctor of philosophical sciences, Full Prof.
Oles Gonchar Dnipro National University
Address: 72, Gagarin Av., 49010, Dnipro, Ukraine*